

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 450 - 463.

I

Шел "Гамлет". Все билеты были распроданы еще утром. Публику более всего привлекало то, что в заглавной роли выступал знаменитый Костромской, который лет десять тому назад начал свою артистическую карьеру в этом же театре в качестве простого статиста-любителя, а потом, объехав всю Россию, в самое короткое время завоевал себе такую оглушительную славу, какой до него не добивался еще ни один провинциальный актер. Правда, за последний год носились и даже проникали в печать темные, маловероятные слухи о том, что бесшабашное пьянство и разврат совершенно расшатали и разрушили гигантский талант Костромского, что он только по разбегу продолжает пользоваться плодами прошлогодних успехов, что антрепренеры частных столичных сцен уже не с таким рабским искомством соглашаются на его стеснительные условия. Кто знает, может быть, в этих слухах и была доля правды. Однако такова была сила имени Костромского, что три дня подряд публика длинным хвостом стояла у кассы театра, несмотря на бенефисные цены; барышники же продавали билеты за тройную, четверную и даже пятерную сумму.

Явление первое не шло, и сцена уже была готова ко второму. Газ еще не зажигали. Декорации королевского дворца висели странными, грубыми, пестрыми картонами.

Публика понемногу наполняла зрительную залу. Из-за занавеса доносился смутный и однообразный ропот.

Костромской сидел перед зеркалом в своей уборной. Он только что пришел и уже оделся в традиционный костюм датского принца -- черное трико, ботинки с пряжками и черный бархатный камзол с кружевным широким воротником. Театральный парикмахер стоял около него в подобострастной позе, держа в руках парик-блондин с длинными локонами.

-- "...Он тучен и задыхается..." -- произнес Костромской, растерев на ладонях кольдкрем и начиная намазывать им лицо.

Парикмахер вдруг засмеялся.

-- Ты чему, дурак? -- спросил актер, не отрывая глаз от зеркала.

-- Да я... так-с... ничему-с...

-- Ну вот и видно, что дурак. Они говорят, что я потолстел и обрюзг. А сам Шекспир сказал про Гамлета, что он тучен и задыхается. Все они -- мерзавцы, эти писаки газетные. Лают на ветер.

Покончив с кольдкремом, Костромской таким же образом растер по лицу телесную краску. Теперь он внимательнее вглядывался в зеркало.

"Правда, грим -- великая штука, а все-таки лицо уже не то, что прежде. Вот и под глазами мешки, а вокруг рта глубокие складки... щеки опухли... нос утерял благородные формы. Ну, да мы еще повоюем... Кин пил, Мочалов пил... наплевать! Пусть говорят и про Костромского, что он от пьянства обрюзг. А вот Костромской покажет сейчас этим молодым... подсоскам этим... покажет, что может сделать настоящий талант".

-- Ты, эфиоп, видел меня когда-нибудь? -- обратился вдруг Костромской к парикмахеру. Тот весь затрепетал от удовольствия.

-- Помилуйте, Александр Евграфыч... Да я... Господи... Первого, можно сказать, русского артиста да чтобы я не видел? В Казани собственными руками для вас парики изготавлял.

-- Черт тебя знает... не помню,-- произнес Костромской, проводя вдоль носа белилами узкую и длинную черту,-- много вас было... Налей-ка!

Парикмахер налил полстакана водки из графина, стоявшего на мраморном подзеркальнике, и подал Костромскому. Артист выпил, сморщился и плюнул на пол.

-- Вы бы закусывали, Александр Евграфыч,-- нежно посоветовал пьяница-парикмахер,-- а то, ежели ее голую... так в голову вдаряет крепко... Костромской почти кончил гримироваться; еще несколько штрихов коричневой краски, и "облака печали легли на его изменившемся и облагородившемся лице".

-- Давай плащ! -- приказал он парикмахеру, поднимаясь со стула.